

централизованно воспроизводящиеся высокие культуры, каждая из которых защищена своим государством» [Геллнер 1991: 112].

Поэтому представляется не совсем корректным рассматривать национализм через призму истории, как некий реликт прошлого, несовместимый с настоящим, тем более с будущим. В действительности мы имеем дело с совершенно новыми явлениями, порожденными именно современными реалиями, хотя к ним и применяются названия, ярлыки и стереотипы, заимствованные из прошлого.

В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что в России, да и за рубежом определенной популярностью пользуются идеи авторов, которые вообще ставят под сомнение сам факт существования наций как реальных феноменов внутригосударственной жизни. К примеру, известный отечественный ученый В. П. Тишков, который внес большой позитивный вклад в развитие советской/российской этнологии, указывает, что «длительные трудности с определением понятия ‘нация’ связаны не со сложностью определяемой материи, а с эпистемологически неверной посылкой придать значимость объективной категории по сути пустому, но ставшему эмоционально влиятельным слову, за исключительное обладание которым состязаются две формы социальной группировки людей – государства и этнокультурные общности» [Тишков 1997: 83]. И делает вывод: «По моему убеждению, нация – это политический лозунг и средство мобилизации, а вовсе не научная категория. Состоя почти из одних исключений, оговорок и противоречий, это понятие как таковое не имеет права на существование и должно быть исключено из языка науки. В этнокультурном смысле категориальность понятия нация утратила в современном мире всякое значение и стала фактически синонимом этнической группы» [там же]. Все эти суждения были обоснованием тезиса о том, что «выход из теоретического тупика – в отказе от термина ‘нация’ в его этническом значении и сохранении того его значения, которое принято в мировой научной литературе и